

* * *

1. Beljaeva I.S. Sposoby vyrazhenija vzaimnogo znachenija v arabskom jazyke i ih sootvetstvija v russkom jazyke // Vestnik RUDN. Ser.: Lingvistika. 2008. № 3. S. 63–68.

2. Vereshhagina E.Ju. K voprosu o vzaimnyh glagolah sovremennogo nemeckogo jazyka // Inostrannyj jazyk v sisteme srednego i vysshego obrazovanija: materialy III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (1–2 okt. 2013 g.) / red. A.K. Golandam, L.K. Salieva. Praga: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2013. № 42. С. 10–14.

3. Espersen O. Filosofija grammatiki. M.: Izd-vo inostr. lit., 1958.

4. Knjazev Ju.P. Grammaticeskaja semantika: russkij jazyk v tipologičeskoj perspektive. M.: Jaz. slav. kul'tur, 2007.

5. Letuchij A.B. Dvojnoj reciprok v russkom jazyke // Korpusnye issledovanija po russkoj grammatike / red. K.L. Kiseleva, E.V. Rahilina, V.A. Plungjan, S.G. Tatevosov. M.: Probel-2000, 2009. S. 335–361.

6. Nedjalkov V.P. Tipologija vzaimnyh konstrukcij // Teorija funkcional'noj grammatiki. Personal'nost'. Zalogovost' / red. A.V. Bondarko. SPb.: Nauka, 1991. S. 276–312.

7. Peshkovskij A.M. Russkij sintaksis v nauchnom osveshhenii. M.: Nauka, 1956.

8. Russkaja grammatika: v 2 t. M.: Nauka, 1980.

Comparison of Russian and Chinese verbs with the meaning of meeting at the background of lexical typology

The article presents the comparison and analysis of the verbs with the meaning of meeting in the Russian and Chinese languages against the background of the lexical typology of the semantic components “space”, “symmetry” and “regularity”. Compared to Russian, the Chinese language has more transitive verbs with the meaning of meeting. Besides, the spheres of collectification of some particular verbs in the two languages do not coincide, in translation the Russian verb “встретиться” corresponds not only to the verb 相遇, but also to many other verbs.

Key words: *comparison, verbs with the meaning of meeting, reciprocal design, reciprocal verbs, collectification.*

(Статья поступила в редакцию 19.03.2018)

В.И. РАССАДИН, С.М. ТРОФИМОВА
(Элиста)

ОБЩЕМОНГОЛЬСКАЯ ЛЕКСИКА ПО РАЗДЕЛУ «ВЬЮЧНЫЙ И ВЕРХОВОЙ ТРАНСПОРТ» В ХАЛХА-МОНГОЛЬСКОМ, БУРЯТСКОМ И КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКАХ*

Описывается пласт лексики, касающийся терминов вьючного и верхового транспорта на примере названий лошадей и верблюдов, используемых для езды верхом и перевозки грузов во вьюках в монгольских языках: халха-монгольском, бурятском, калмыцком и старописьменном монгольском, указывающих на их общемонгольский характер.

Ключевые слова: *общемонгольская лексика, вьючный транспорт, верховой транспорт, лошадь, верблюд, верховые седла, вьючные седла, детские седла, оглобля, верблюжье вьючное седло, общемонгольский характер.*

Халха-монгольский, бурятский и калмыцкий языки являются единственными среди современных монгольских языков, на базе которых созданы их национальные литературные языки. У этих языков – один общий предок, язык племен древних монголов шивей, довольно рано выделившихся из среды монгольских племен и обособившихся достаточно давно в северо-западной части Центральной Азии. Эти племена стали вырабатывать в строе своих языков ряд специфических черт, положивших начало трем самостоятельным группам северо-западных монгольских языков и отделяющих эти языки от остальных монгольских языков. Это халхаская, баргу-бурятская и ойратская группы. Среди последней группы лишь калмыцкий язык получил литературную форму. Строй каждого из языков этих групп в настоящее время в общем и целом в синхроническом плане изучен довольно неплохо. Правда, отдельные элементы этого строя исследованы неравномерно.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ-МинОКН Монголии в рамках проведения научных исследований «Сложение пласта традиционной бытовой лексики монгольских языков (на примере халха-монгольского, бурятского и калмыцкого языков, сравнительно-исторический аспект)» (проект № 16-24-03001а/м).

Менее всего изучена лексика, особенно ее тематические пласты. После того как в последнее время были изданы достаточно полные словари этих языков (четыре тома халха-монгольского и два тома бурятского языков в дополнение к имеющимся словарям, по калмыцкому языку, языку ойратов Синьцзяня и Монголии, по языку монголов Внутренней Монголии Китая, включая язык монголов Ордоса и дагуров, наряду с имеющимися словарями старомонгольского письменного языка, языка средневековых монгольских памятников), у ученых наконец-то появилась реальная возможность приступить к следующему этапу исследования лексического состава этих языков, а именно к сопоставительному и сравнительно-историческому, что имеет большое научное значение для изучения истории монгольских языков, ибо справедлива истина, гласящая, что, не познав прошлого, невозможно осмыслить настоящее и постичь будущее. Необходимость в такого рода исследовании давно назрела в монголоведении, поскольку эти изыскания имеют большое научное значение для исследования истории сложения и развития монгольских языков и в этой связи обладают бесспорной актуальностью.

Поскольку словарный состав любого языка, в том числе и указанных выше, наряду с его фонетикой и грамматикой являет собой один из основных элементов его строя, определяющий облик языка и отражающий особенности культурно-хозяйственного типа, в условиях которого происходило формирование лексического состава и в условиях которого он продолжает бытовать, изучение истории сложения его лексического состава (в частности, пласта традиционной бытовой лексики) в рамках того или иного ареала имеет большое научное значение для истории формирования языка. Сравнительно-историческое исследование данного пласта лексики северо-западного ареала монгольских языков даст новый уникальный научный материал, который позволит уточнить (а в ряде случаев и выявить) новые обстоятельства в истории сложения лексического состава монгольских языков как на общемонгольском уровне, так и в рамках указанного ареала. Это позволит поднять на новый уровень изучение лексики монгольских языков и даст ему новый импульс.

Как было сказано выше, изучение лексики в сравнительном плане имеет немаловажное значение для формирования и развития халха-монгольского, бурятского и калмыцкого язы-

ков. Имеются работы, в которых описываются и анализируются отдельные пласты бытовой лексики в монгольских языках северо-западного ареала [1; 2; 7; 9–11; 13]. Пласт лексики вьючного и верхового транспорта в монголоведении не был предметом специального исследования (несмотря на то, что он составляет значительный пласт традиционной бытовой лексики северо-западного ареала халха-монгольского, бурятского и калмыцкого языков).

Закрывая белое пятно, мы рассматриваем в сравнительном аспекте пласты лексики, который относится к вьючному и верховому транспорту монголыязычных этносов на примере их названий, которые не только представлены у халха-монголов, бурят, калмыков, но и зафиксированы в старописьменном монгольском языке.

При написании статьи фактический лексический материал по монгольским языкам был взят из старописьменных монгольских словарей К.Ф. Голстунского [5], Ф. Лессинга [14], из современного четырехтомного «Большого академического монгольско-русского словаря» [3], из двухтомного «Бурятско-русского словаря», составленного Л.Д. Шагдаровым и К.М. Черемисовым [4], из «Калмыцко-русского словаря» [6], что поможет получить довольно полную и объективную картину сравниваемого материала.

Вьючный и верховой транспорт – «вид транспорта, использующий в качестве тяговой силы животных (лошадей, волов, верблюдов и т. д.)» [12, с. 474], – у монгольских этносов является результатом их длительного исторического развития. Возник он еще у древних монголов и предназначался для облегчения их труда и использовался при дальних перекочевках.

Монголы с древних времен в качестве верхового и вьючного транспорта использовали в основном лошадей и верблюдов. В горной местности на севере отмечалось использование домашних северных оленей и яков (сарлыков), на которых ездили верхом и возили во вьюках грузы [8, с. 215]. Названия этих верховых и вьючных домашних животных во всех монгольских языках было одинаковым, но с некоторыми фонетическими вариантами. За время своего исторического развития халха-монголы, буряты и калмыки выработали свою терминологию, которая относится к транспортному использованию этих домашних животных.

После сравнительного анализа в данной тематической группе нами были получены

следующие результаты (при этом следует отметить, что для верховых лошадей и вьючных верблюдов и для оленей и яков употреблялись одни и те же седла).

Верховое седло в монгольских языках называется одинаково: х.-монг. *эмээл*, калм. *эмэл*, бур. *Эмээл*. В старописьменном монгольском языке эта словоформа зафиксирована в виде *emetel*.

Рассмотрим названия вещей, которые непосредственно относятся к седлу. Это, например, «подхвостная шлея верхового седла» – х.-монг. *хударга*, бур. *хударга*, калм. *хударһа*, стпмя *qudarγ-a*; «подпруга» – х.-монг. *олом*, бур. *улам*, калм. *олң*, стпмя *olung*; «потник, кусок войлока, подкладываемый на спину лошади под седло» – х.-монг. *тохом*, бур. *тохом*, калм. *тохм*, стпмя *toqum*. Морфологическая структура данного слова представляет собой общемонгольский тип, которая широко представлена в монгольских языках: ср. стпмя *toqu* =, х.-монг., бур. *тохо* =, калм. *тох* = [*тохы* =] «оседлывать, накладывать седло на спину лошади» [9].

В калмыцком языке «седельная подушка» представлена как *көвцг*, в халхаском и бурятском языках этот термин отсутствует. «Узда» х.-монг. и бур. называется *хазаар*, калм. *хазар*, стпмя *qajayar*; «поводья» х.-монг. и бур. представлены как *жолоо*, калм. *жоло*, а в стпмя *jiluγa*; «стремена» х.-монг. *дөрөө*, бур. *дүрөө*, калм. *дөрэ*, стпмя – *dörüge*; «конская сбруя» зафиксирована лишь х.-монг. *хөмөлдөрөг*, бур. *хүмэлдэргэ*, стпмя *kömüldürge* со значением «нагрудный ремень верхового седла при езде по горам», в калмыцком языке этот термин не представлен; «вьючное седло» представлено: х.-монг. *янгуа*, *янгирицаг*, калм. *яңрицг*, стпмя *janggirčay*; «вьючное седло для домашнего северного оленя, вола или яка» бур.-окин. *янгарсаг*, *янгарцаг* [9]; «седло для детей с высокими луками, которое предназначено для перевозки детской колыбели и малолетних детей» х.-монг. *эрвэлж*, калм. *эрвэлжн*, стпмя *erbeljin*.

У Г. Рамстедта находим название «чепрак» стпмя *kejim* // *kijim*, х.-монг. *хэжим* // *хужим*, бур. *хэжэм*, калм. *кежим* [14, с. 222]. Данная праформа, как отмечает В.И. Рассадин [9], восстанавливается в виде **kedim*, из которой и развилась эта монгольская форма, поскольку в определенный исторический период в древности в монгольских языках произошел переход слога **-di-* в *-ji-*.

У монголоязычных народов с лошадей связано использование и гужевого транспорта:

– х.-монг. *тэрэг*, бур. *тэргэн*, калм. *тергн*, стпмя *tergen* «телега, повозка»;

– х.-монг. *арал*, зап.-бур. *арал* «телега, арба», калм. *арш* «дышло, оглобля», стпмя *aral* «оглобля»;

– х.-монг. *хөлөг* «лошадь, экипаж, скакун», *хөллөх* «запрягать, впрягать», *хөлөглөг* «лучший конь, аргамак», *хөллөлгөө* «упряжь», соответственно, стпмя *kölge* «лошадь, экипаж, скакун», *köllükü* «запрягать, впрягать», *kөлүгlig* «лучший конь, аргамак», бур. *хүлэг* «аргамак, рысак» от глагола *хүллэхэ* «запрягать, впрягать», калм. *көлгн* «средство передвижения; транспорт» от глагола *көллх* «запрягать, впрягать».

Как известно, передние ноги лошадей, верблюдов обычно спутывают, чтобы они далеко не ушли во время их пастбы. У монголоязычных народов это действие называется *тууших* (в значении «надевать путы на ноги лошади, верблюда»), а опутанные передние ноги лошади, верблюда носят название *туша* в значении «путы», причем одинаково во всех современных монгольских языках. В старописьменном монгольском языке этот глагол называется *туш* =, а путы носят название *тушаγa*.

С верблюдом связана перевозка грузов во вьюках. Это обычное, кроме лошади, транспортное животное, которое обитает в степных, полупустынных и пустынных районах Центральной Азии. Этот термин имеется во всех монгольских языках: х.-монг., *хом*, бур. *хом*, калм. *хом*, стпмя *kom* «вьючное верблюжье седло». С верблюдом связан также верблюжий повод, который прикрепляется к носу верблюда и во всех монгольских языках называется одинаково – *бурантаг*.

Таким образом, исходя из представленного выше материала, можно заключить, что древние монголы в своей повседневной жизни пользовались как верховым, так и вьючным транспортом, который играл важную роль в их культурной и хозяйственной жизни. Названия данного пласта лексики представляют собой уникальный пласт лексического состава монгольских языков северо-западного ареала, который до сих пор оставался вне поле зрения ученых.

Список литературы

1. Бадмаев А.А. Традиционная утварь бурят в XIX – начале XX в.: технологический и мировоззренческий аспекты (к проблеме этнокультурных контактов). Новосибирск, 2005.

2. Бальжинимаева Б.Д. Названия тары и емкостей из кожи в монгольских языках // Вестн. Калм. ин-та гуманитар. исследований РАН. 2017. № 4. С. 110–116.
3. Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. М.: Academia, 2001–2002.
4. Бурятско-русский словарь. Улан-Удэ: Изд-во «Республиканская типография», 2010. Т. I–II.
5. Голстунский К.Ф. Монгольско-русский словарь (дополнения). СПб., 1894–1898. Т. I–III, IV.
6. Калмыцко-русский словарь / под ред. Б.Д. Муниева. М.: Рус. яз., 1977.
7. Мазарчук А.В. Общемонгольская лексика по разделу «Головные уборы и украшения» в халхаском, бурятском и калмыцком языках // Вестн. Калм. ин-та гуманитар. исследований РАН. 2017. № 6. С. 180–189.
8. Рассадин В.И. Присаянская группа бурятских говоров. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1996.
9. Рассадин В.И., Болд Л. Тюрко-монгольские параллели в составе названий транспортного использования скота в монгольских языках // Вестн. Калм. ин-та гуманитар. исследований РАН. 2015. № 4. С. 99–103.
10. Рассадин В.И., Трофимова С.М. Лексика некоторых продуктов традиционного молочного, мучного и растительного питания халхаском, бурятском и калмыцком языках // Вестн. Калм. ин-та гуманитар. исследований РАН. 2016. № 4. С. 132–136.
11. Рассадин В.И., Чулуунбаатар Л. Общемонгольская лексика по разделу традиционное жилище в халхаском, бурятском и калмыцком языках // Вестн. Калм. ин-та гуманитар. исследований. 2017. № 4. С. 134–140.
12. Словарь современного русского литературного языка. М., 1954. Т. 3.
13. Трофимова С.М., Даваасурэн Б. Общемонгольская лексика по разделу «Традиционная пища» в халха-монгольском, бурятском и калмыцком языках (на материале кулинарных рецептов) // Изв. Волгogr. пед. ун-та. 2017. № 10(123). С. 133–136.
14. Lessing F. Mongolian-English Dictionary. Berkeley and Los Angeles, 1960.
15. Ramstedt G.J. Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, 1935.
3. Bol'shoj akademicheskij mongol'sko-russkij slovar': v 4 t. M.: Academia, 2001–2002.
4. Burjatsko-russkij slovar'. Ulan-Udje: Izd-vo «Respublikanskaja tipografija», 2010. T. I–II.
5. Golstunskij K.F. Mongol'sko-russkij slovar' (dopolnenija). SPb., 1894–1898. T. I–III, IV.
6. Kalmycko-russkij slovar' / pod red. B.D. Munieva. M.: Rus. jaz., 1977.
7. Mazarchuk A.V. Obshhemongol'skaja leksika po razdelu «Golovnye ubory i ukrashenija» v halhaskom, burjatskom i kalmyckom jazykah // Vestn. Kalm. in-ta gumanit. issledovanij RAN. 2017. № 6. S. 180–189.
8. Rassadin V.I. Prisajanskaja gruppa burjatskikh govorov. Ulan-Udje: BNC SO RAN, 1996.
9. Rassadin V.I., Bold L. Tjurko-mongol'skie paralleli v sostave nazvanij transportnogo ispol'zovanija skota v mongol'skih jazykah // Vestn. Kalm. in-ta gumanit. issledovanij RAN. 2015. № 4. S. 99–103.
10. Rassadin V.I., Trofimova S.M. Leksika nekotoryh produktov tradicionnogo molochnogo, mучnogo i rastitel'nogo pitaniya halhaskom, burjatskom i kalmyckom jazykah // Vestn. Kalm. in-ta gumanit. issledovanij RAN. 2016. № 4. S. 132–136.
11. Rassadin V.I., Chuluunbaatar L. Obshhemongol'skaja leksika po razdelu tradicionnoe zhilishhe v halhaskom, burjatskom i kalmyckom jazykah // Vestn. Kalm. in-ta gumanit. issledovanij. 2017. № 4. S. 134–140.
12. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka. M., 1954. T. 3.
13. Trofimova S.M., Davaasurjen B. Obshhemongol'skaja leksika po razdelu «Tradicionnaja pishha» v halha-mongol'skom, burjatskom i kalmyckom jazykah (na materiale kulinarных receptov) // Izv. Volgogr. ped. un-ta. 2017. № 10(123). S. 133–136.

* * *

1. Badmaev A.A. Tradicionnaja utvar' burjat v XIX – nachale XX v.: tehnologicheskij i mirovozzrencheskij aspekty (k probleme jetnokul'turnyh kontaktoy). Novosibirsk, 2005.
2. Bal'zhinimaeva B.D. Nazvanija tary i emkostej iz kozhi v mongol'skih jazykah // Vestn. Kalm. in-ta gumanit. issledovanij RAN. 2017. № 4. S. 110–116.

General Mongolian vocabulary dealing with “pack and horse transport” in the khalkh-Mongolian, Buryat and Kalmyk languages

The article deals with the vocabulary concerning the terms of pack and horse transport based on the example of the names of horses and camels used for riding and transportation of goods in packs in the Mongolian languages: khalkh-Mongolian, Buryat, Kalmyk and old Mongolian indicating their general Mongolian character.

Key words: *general Mongolian vocabulary, pack transport, horse transport, horse, camel, riding saddles, pack saddles, child saddles, shaft, camel saddle, general Mongolian character.*

(Статья поступила в редакцию 02.04.2018)